

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье проводится анализ общих методологических вопросов экономической науки и ее философских проблем.

Экономическую науку часто называют «мирской философией»: она обращена к повседневным проблемам жизни людей и стремится осмысливать их систематически и научными методами. Разные варианты ответов на вопросы жизни служили основой формирования научных школ и целых направлений экономической мысли.

Цель данной статьи дать характеристику экономики как науки и рассмотреть идеалы научности, которые определили ее первоначальный облик.

Современная философия изучает экономическую науку в двух основных аспектах: как отрасль знания и как вид человеческой деятельности. Наиболее традиционный аспект философского исследования науки – эпистемологический, т.е. с точки зрения теории познания. Он акцентирует внимание на конечном продукте научной деятельности – системе научного экономического знания, ее структуре и генезисе.

Механизм генерирования новых знаний охватывает широкий круг эпистемологии и методологии в узком смысле слова (как учения о методах научного исследования). Взгляды экономистов на происхождение и природу научных знаний и научного метода складывались под влиянием общенаучных и методологических стандартов, которые отражали опыт наук – лидеров в лице математики, астрономии, физики и биологии.

Функциональная структура научного экономического знания включает: теоретическое знание; эмпирическое знание (совокупность факт, получивших истолкование в рамках соответствующей теории и составлявших ее эмпирический базис); онтологическое знание, состоящее из наиболее общих сущностей и категорий; инструментальное знание и навыки по технологии исследования; инструментальное знание и навыки прикладного характера.

Экономическая теория – это систематизированное знание об устойчивых, повторяющихся связях в экономических явлениях и процессах, их структурных характеристиках, закономерностях функционирования и тенденциях развития. Теоретическое выражение экономических отношений происходит через экономические категории (общественное разделение труда, товар, деньги, капитал, национальное богатство и др.). Экономические категории включают следующие элементы: исходные посыпки (аксиомы, постулаты); теоретические утверждения, или выводы (законы, теоремы, гипотезы, предвидения т.п.); свидетельства истинности теоретических выводов или условия проверки гипотез. Экономические категории – это абстрактные теоретические понятия, обозначающие основные элементы экономической реальности: например, «фирма», «экономический человек»; их состояния («экономическое равновесие») или свойства («стоимость», «предельная полезность»).

Теоретическая модель – рабочий инструмент исследователя, при помощи которого теоретические понятия и реальность соотносятся между собой. Модель упорядочивает понятия, устанавливая между ними связи и отношения, которые предположительно соответствуют связям и отношениям реального мира. В экономической науке применяется широкий спектр моделей: от простейших метафор, аналогий и словесных схем до сложных математических моделей и компьютерных имитационных систем. Первой четко выраженной экономической моделью была «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ (1758г.), построенная на метафоре кровообращения и отображавшая круговорот общественного продукта. В современной экономической науке возрастает роль формализованных математических моделей.

Цели теоретического анализа зависят от методологических установок ученого: эмпи-

рические установки требуют выдвижений научных фактов или предвидений; рационалистические установки – обобщающих выводов – законов, теорий.

Экономическая наука включает теории, различающимся по степени сложности, общности, формализованности. Теории делятся на позитивные и нормативные. Первые ограничиваются суждениями о том, что есть, т.е. суждениями, подтвержденными фактами; вторые содержат ценностные суждения, т.е. суждения о том, что должно быть. Теория получает признание в качестве истинной, если есть подтверждающие ее факты и нет опровергающих.

Начиная с 80 – х годов XX в. в экономической методологии сложились новые подходы – риторический и институционально – социологический. Они рассматривают экономическую науку в единстве собственно научного знания и механизмов функционирования научного сообщества. Разнообразие направлений и школ экономической мысли с разными методологическими установками потребовало переосмысления представлений и возможности установления общего, обязательного для всех методологического стандарта. В современной экономической методологии является общепризнанным принцип методологического плюрализма: ученый свободен в выборе средств исследования при условии четкой идентификации собственных методологических принципов и готовности к их критическому обсуждению. Это необходимо, чтобы плюрализм не вылился во вседозволенность, препятствующую эффективному профессиональному общению в рамках научного сообщества.

Экономика как научная дисциплина сложилась в Западной Европе в XVIII в. на основе обобщения идей и опыта эпохи меркантилизма. Другим фактором ее формирования служил идеал науки, опиравшейся на успехи классической механики. Под влиянием этих разнонаправленных факторов были предложены две разные модели новой науки, которую стали называть политической экономией. Их характерными представителями были Джеймс Стюарт и Адам Смит.

Стюарт предполагал, что экономика нуждается в мудром правителе. Поэтому за-

дача новой науки – вооружить его принципами, которые помогут выбирать верный курс экономической политики.

Экономика по Стюарту представляла собой сочетание трех начал: природы человека (приоритет собственных интересов); истории (разнообразие естественных, геополитических, культурных условий, в которых эти принципы действуют); модели взаимодействия двух первых начал (т.е. или социального строя).

Но законодателем моды в содержательном и методологическом отношении в нарождающейся науке стала работа А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.).

Научным идеалом для Смита была физика Ньютона. Смит за внешним непостоянством и разнообразием экономических явлений искал их общие причины и неизменную природу. Выражением истинной природы экономики он считал траекторию экономического роста, которая служит осью притяжения в колебательном движении реальных народнохозяйственных процессов. Смит представлял экономику как идеально отлаженный часовой механизм. В этом его подход коренным образом отличался от подхода Стюарта, ассоциировавшего экономику с таким механизмом, который часто барахлит и постоянно нуждается в настройщике. Победила модель Смита, и экономическая наука стала развиваться преимущественно как наука теоретическая, ориентированная на идеалы и нормы естествознания.

Выделение экономики в объект познания оказалось непростой задачей. Ранние общества вообще не знали такого понятия. Социолог Карл Полянши назвал такое положение «анонимностью экономики». Он отмечает: в ранних обществах «экономический процесс институционально оформляется посредством отношений родства, брака, возрастных групп, тайных обществ, тотемных организаций и общественных торжеств». (6) Понятие «экономика», по мнению Полянши, возникло лишь после того, как сама экономика как объективное явление выделилась из неразделенной прежде социальной ткани в автономную подсистему общества, что и произошло в процессе формирования рыночных отношений уже в Новое время.

Этимологическим предшественником современной «экономики» является древнегреческое слово «ойкономия». Оно было гораздо шире по значению и охватывало все, что относилось к ведению домашнего хозяйства – от агротехники до бытовой гигиены и семейных отношений.

Кристаллизация представлений об экономике как объекта теоретического познания шла по двум линиям: одна выстраивалась вокруг особого предмета – материального богатства, другая – вокруг особого типа людей, мотивированного исключительно их частными интересами. На этой основе сформировались две базовые картины экономической реальности, или онтологии, которые можно называть соответственно, продуктовой и поведенческой. Обе базовые экономические онтологии можно найти уже у А. Смита. В его теоретической системе выделяются два блока. Один блок связан с метафорой «невидимая рука», в соответствии с которой рынок координирует действия людей, направляя частный интерес каждого его участника на поиск путей удовлетворения общественного спроса. Вопреки общественному мнению Смит утверждал, что между частными и общественными интересами нет антагонизма. Этот вывод лежал в основе нарождающейся либеральной идеологии.

Второй блок теоретической системы А. Смита основывается на абстракции общественного продукта. Экономика предстает как процесс непрерывного круговорота общественного продукта, обеспечивающего материальную базу всей жизнедеятельности общества. Каждый год он распределяется между всеми классами общества, потребляется ими и снова воссоздается трудом производительных работников. Это продуктовая онтология задает четкую и жесткую рамку для анализа зависимостей, определяющих возможности и последствия структурных сдвигов в распределении и использовании производимого богатства (пропорциях потребления и накопления, соотношениях заработной платы, прибыли и ренты и т. д.), предпосылки и пределы его роста.

Звено, которое связывает два блока – понятие естественной (равновесной) цены.

Образ круговорота общественного продукта стал первой научной картиной экономической реальности – сначала у физиократов, затем у А. Смита. Достижения классической политической экономии базировались на продуктивной онтологии. Поведенческая онтология у Смита еще стала основой научной теории. Лишь спустя век – в результате маржиналистской революции – образ «невидимой руки» развился в научную онтологию для целого спектра исследовательских программ. Продуктовая онтология классической школы активно использовалась в исследованиях К. Маркса, В. Леонтьева, П. Сраффы, Л. Пазинетти, в различных теориях роста, а также в экономической статистике.

Один из основных методологических признаков маржинализма – использование предельных величин (предельная полезность, предельная производительность и др.) в анализе экономических явлений. Классическая политэкономия от А. Смита до К. Маркса оперировала, в основном, средними величинами, «нормальными условиями», что не только задавало ей определенные содержательные границы, но и искажало в ее оценках реальную картину рынка, лишало экономические категории необходимого динамизма. В ходе маржиналистской революции (70–90-е годы XIX в.) основное внимание сместилось в сферу обмена и сфокусировалась на поведении экономических агентов, прежде всего на принятии ими решений по распределению и использованию ресурсов. За основу была взята поведенческая онтология.

Затем, осознание того, что поведение экономических агентов зависит от сложившихся норм и правил стимулировало появление еще одной базовой онтологии – институциональной.

Каждой картине экономической реальности соответствует своя эмпирическая база и свои методы ее изучения. Так, продуктовая онтология ориентирует на работу с макроэкономическими данными, поведенческая – на микроуровень. Она предполагает изучение актов выбора экономических агентов на основе их ожиданий, предпочтений и оценок вероятных исходов принимаемых решений. Институциональная онтология нацеле-

на на описание исторически обусловленных стереотипов и норм поведения, организационных структур экономической деятельности, характера их эволюционных изменений.

Если одни и те же явления рассматриваются в контексте разных картин экономической реальности, они получают альтернативные контекстно обусловленные толкования. Например, рыночные цены могут представляться и как соотношение затрат труда (продуктивная онтология), и как договор, уравновешивающий спрос и предложение сторон (поведенческая онтология), и как общественная норма обмена (институциональная онтология). Сама по себе опора на определенную онтологию не предполагает замкнутости на соответствующее поле. Выбор онтологии – это выбор ракурса рассмотрения объекта.

Установка классиков политэкономии на изучение равновесных состояний экономики как единственно достойный предмет теоретического познания придавала новой науке весьма абстрактный характер. Внимание фокусировалось на стационарных процессах и долгосрочных трендах, а краткосрочные отклонения от равновесия объявлялись результатом случайных или несущественных факторов. Представители классической школы вывели из сферы теоретического анализа такие явления, как денежные кризисы и кризисы перепроизводства, и тем самым отгородились от острых практических проблем экономической политики.

Английский коммерсант и общественный деятель Генри Торнтон показал, что в экономике наряду с жестким каркасом, задаваемым объемными и структурными характеристиками общественного продукта, действует еще один значимый фактор – доверие. Он писал: «В обществе, в котором законность и чувство морального долга слабы, и следовательно, собственность не имеет надежной защиты, уровень доверия и кредита будет, разумеется, низким; не будет велик и объем торговли» (2). Кредитно – денежная система выступала механизмом поддержки такого доверия. Кредит у Торнтон – это активный и пластичный посредник, быстро меняющий свою конфигурацию и пропускную способность вслед за изменениями со-

стояния доверия. При возрастающем доверии скорость оборота платежных средств растет, и даже при неизменной их массе это вызывает эффект, соответствующий эффекту от увеличения их количества. Концепция Торнтон соединила классический долгосрочный подход и новый краткосрочный подход, введивший в картину экономической реальности поведение экономических агентов. Состояние доверия Торнтон – близкий эквивалент того, что впоследствии стали называть экономическими ожиданиями, своего рода субъектной составляющей экономической деятельности, которая была институционально закреплена в денежной системе. Новая онтология денежной экономики с пульсирующим уровнем деловой активности по – настоящему утвердилась в науке только в результате кейнсианской революции и выделения макроэкономики в отдельную отрасль современного экономического знания в середине XX в.

Самый большой сдвиг в развитии экономической науке произошел в последней трети XIX в. и был связан с маржиналистской революцией. Именно в этот период появился образ экономики как совокупности индивидов, координирующих свои действия через рынок. Если раньше «невидимая рука» была именно невидимой, так как изучались только результаты ее функционирования, то теперь главным стал вопрос о том, как она действует, каковы условия достижения равновесного состояния. Акцент переместился с макроуровня на микроуровень, на поведение первичных экономических агентов, их индивидуальные цели, ожидания и оценки.

Эта новизна была закреплена знаменитым определением экономической науки Л. Роббинса (1932 г.): экономическая наука «изучает человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами имеющими альтернативное применение». (7). В последствии из формулы Роббинса выросла отдельная дисциплина «микроэкономика», которая стала инструментарием для анализа «экономного» поведения в разнообразных ситуациях.

В свете новых исследовательских задач ключевым элементом экономической онтоло-

гии стали характеристики экономических агентов и условия координации этих действий.

В этих условиях оказалось, что экономика как наука возможна только при наличии определенности в соотношении типа поведения экономических агентов. Если их поведение произвольно, то экономика непредсказуема.

Начало методологической переработки этой проблемы восходит еще к Д.С.Миллю, который полагал, что политэкономия имеет дело с абстракцией человеческого поведения. Д.С. Милль рассматривал человека в экономике «лишь как существо, желающее обладать богатством и способное сравнивать эффективность разных средств достижения этой цели» (4). Данная Миллем методологическая трактовка экономического человека опередила свое время. Она оказалась востребованной в рамках неоклассического направления современной экономической мысли.

Таким образом, современные неоклассические экономические теории предполагают уровень способностей и компетенции экономического человека предельно высоким. Он имеет неограниченный доступ к необходимой ему информации, способен мгновенно ее обрабатывать, без задержки оценивать обстановку, предвидеть будущие события и принимать на этой основе единственно правильные решения.

Другой ключевой постулат неоклассической картины экономической реальности – предпосылка конкурентного рынка как рынка совершенной (идеальной) конкуренции. Это означает, что любой экономический агент противостоит стихии рынка в одиночку и не имеет никакой возможности оказывать на нее влияние. В связи с этим в теории поведение всех экономических агентов становится предсказуемым.

Развитие экономической теории общего равновесия привела к тому, что под интуицию А.Смита о «невидимой руке» был подведен самый сложный математический аппарат. С его помощью удалось доказать, что всеобщее равновесие в конкурентной экономике действительно возможно. Однако это доказательство продемонстрировало, что условия, необходимые для получения такого результата, далеки от реальности. В ка-

честве условий необходимо было обеспечить наличие рациональных экономических агентов, отсутствие препятствий для конкуренции, полнота рынков и др. Чтобы ослабить эти нереалистичные предпосылки, в жертву пришлось принести полноту общей картины. Это привело к тому, что микроэкономика отошла от своего прежнего теоретического ядра – теории общего равновесия и распалась на множество частных теорий, описывающих отдельные рынки. В результате в настоящее время не приходится говорить о наличии единой картины экономической реальности. Современный экономист – теоретик имеет дело с мозаикой сходных, но все же частных, не связанных между собой образов и фрагментов экономической реальности.

Классическая политэкономия претендовала на общезначимое, независимое от национальной и конкретно исторической формы, описание экономических явлений. Неоклассическая теория также имеет такие притязания.

При этом большинство экономических теорий имеют тенденцию сводить свой предмет или к физическому продукту («богатство») на «выходе» из некоего экономического «черного ящика», или к рациональному человеческому действию как поведенческому стереотипу, который запускает этот «черный ящик» на «входе». Внутреннее устройство «черного ящика», т.е. собственно экономика, оставались без внимания экономистов.

Немецкая историческая школа впервые в середине XIX в. начала критиковать за это экономическую науку, оспаривая идеи универсальности человеческой природы. Но необходимо было найти взамен иной фактор, который бы объяснил общее и повторяющееся в индивидуальном экономическом поведении. Альтернативный принцип был найден в национальном духе, или этосе (обычай, нрав, характер), получающем свое внешнее выражение в правовых и политических институтах, формирующих, в свою очередь, и индивидуальное поведение, и организацию народного хозяйства.

Первый опыт теоретического рассмотрения институционального среза экономики относится к рубежу XIX – XX вв. и связан с

американским институционализмом. По определению У. Гамильтона, институт «обозначает образ мыслей или действия, имеющий достаточно широкое распространение и постоянство, укорененный в привычках групп людей или обычаях народа...» (5).

Проработка институциональной онтологии шла по двум направлениям: ситуационно – компаративистскому и эволюционному.

Первое направление возникло из задачи сравнительного исследования экономических систем, прежде всего плановых и рыночных экономик.

Формирование второго направления – эволюционно – исторического восходит к идеям К. Маркса о диалектике производительных сил и производственных отношений и лидера американских институционалистов Т. Веблена. Центральная идея Веблена состояла в том, чтобы соединить эволюционную методологию с институциональным анализом экономического развития. Он полагал, что именно институты обеспечивают преобладание в экономических процессах, а посредством эволюции институциональной среды происходит приспособление экономики к изменениям ее материальной, прежде всего технической базы. Важным фактором современного этапа развития эволюционной экономики стало освоение экономистами математического аппарата синергетики.

В содержательном плане речь идет о попытках выделения специфических особенностей социально – экономической материи в качестве носителей «наследственности» и источников «изменчивости».

Таким образом, наличие качественно разнородных картин экономической реальности – важная черта современной экономической науки. Но это не проявление ее слабости, а естественная реакция на многомерность экономики как объекта познания, необходимая предпосылка расширения теоретических поисков.

Английский экономист Д. Хикс отмечал: «Наши теории действуют подобно шорам.... Сказать вежливее – это лучи света, которые высвечивают одну часть объекта и оставляют во мраке другие. Пользуясь этими теориями, мы отводим взгляд от вещей, которые могут быть существенными, с тем чтобы четче разглядеть то, на что наш взгляд уже устремлен. Нет сомнения в том, что так и следует поступать, иначе мы увидим очень мало. Но очевидна и важность правильного выбора теории, чтобы она могла удовлетворительно выполнять такую функцию. Иначе она высветит не то, что надо.... Поскольку мы изучаем меняющийся мир, теория, которая в один момент времени светило в правильном направлении, в другой момент может светить в неправильном. Это может происходить из – за перемен в мире (вещи, которые игнорировались, могут стать более важными, чем те, что принимались во внимание) или изменений в нас самих.... Экономической теории на все случаи жизни, возможно, и не существует.(9)». Термин «политическая экономия» к началу XX в. стал не столько обозначением отдельной науки, сколько общим названием для «наук об экономике». Поэтому переход в англоязычной литературе к термину «Экономикс» вместо «политической экономии» был лишь формальным отражением этих перемен.

Продолжение следует

Список использованной литературы:

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998;
2. Ананьин О.И. Структура экономико – теоретического знания: методологический анализ. М.: Наука, 2005;
3. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют мир М.: НП «Журнал вопросы экономики», 2004;
4. История экономических учений. Под ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА - М, 1998;
5. Макашева Н.А. Несколько слов о методологии // История экономических учений. Под ред. В. Автономова и др. М.: ИНФРА - М, 2000;
6. Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки. М.:ГУ – ВШЭ, 2004,
7. Роббинс Л. Предмет экономической науки ТАСИС, 1993. Вып.1;
8. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки, ТАСИС, 1994, вып. 4.
9. Философия социальных и гуманитарных науки. Под ред. С.А. Лебедева, М.: Академический проект, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.05.07